

ГЕОРГИЙ ДОЛИН

**ПОНЯТЬ
РОССИЮ**

Георгий Долин

**Понять Россию. Опыт
логической социологии нации**

«Accent Graphics communications»

2012

Долин Г.

Понять Россию. Опыт логической социологии нации / Г. Долин —
«Accent Graphics communications», 2012

Книга «Понять Россию» дает возможность читателю получить основательно аргументированные ответы на извечные вопросы, которые хотя бы раз в жизни задавал себе мало-мальски образованный и равнодушный к судьбе своего народа и страны человек: «Кто мы, откуда пришли и куда идем?». В этой книге вы не найдете сенсационных гипотез, рассчитанных на то, чтобы поразить читателя красивой и яркой фантазией на тему нашей национальной судьбы, но на самом деле не имеющих ничего общего с тем, что действительно случилось и происходит с нами. В ней нет спекуляций на национальном самолюбии, возбуждающих невежественное национальное самодовольство. В этой книге предельно конкретный и объективный анализ судьбы русской нации, позволяющий трезво оценить корни наших национальных проблем и возможные пути их решения. Книга представляет интерес также для политиков, стремящихся принести реальную пользу своей стране, деловых людей, выстраивающих свой бизнес с учетом российской специфики. В представленной работе автор размышляет о корнях этнической принадлежности русских, о формировании и особенностях русской идентичности, о том, как складывалась в России система государственности и о ее эволюции. В книге вы найдете интересные мысли о нашей военной истории и о конкурентоспособности России как цивилизации. В общем, эта книга будет полезна всем, кто хотел бы просто понять Россию.

© Долин Г., 2012
© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Предисловие	6
Кто мы, русские?	9
К истории вопроса	10
К противоречиям нормандской версии	11
Противоречия славянской версии	12
Промежуточные выводы	13
Так кто же они такие, русы?	14
Заключительные замечания	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Георгий Долин

Понять Россию. Опыт логической социологии нации

Предисловие

Среди всех разочарований и смятенных чувств, вызванных превратностями последних десятилетий одно из самых, наверное, саднящих – чувство горечи от осознания нелепости российской действительности.

Как случилось, что нынешнее состояние нашей страны (как впрочем, и на протяжении почти всей нашей истории) столь несообразно ее могучему потенциалу? Надо быть абсолютно невежественно-самодовольным или равнодушным к своей Родине человеком, чтобы хотя бы единожды не пережить чувство обидного стыда перед той же Европой за нашу неспособность столь же по-хозяйски рачительно и для общего блага распорядиться тем, что дано нам по природе и по наследию.

Я думаю, что хотя бы раз в жизни у нас возникало желание понять причины и истоки этой разительной нелепицы нашей национальной судьбы и ответить самим себе на простой вопрос: что же с нами происходит? Увы, честно ответить на него мешает немало обстоятельств, однако, пожалуй, самое существенное из них – укорененное в нас официальной идеологией мнение о себе как о народе, отмеченном особой кармой.

Одна из самых серьезных проблем российской официальной историографии заключается в том, что ее взгляд на прошлое страны всегда носил «обосновательно-оправдательный» характер. Все, что, по мнению власти, целесообразно для государственно-общественного устройства сегодня, рассматривается не только как закономерный результат происходившего с нами «вчера», но и само прошлое призывается в свидетели для подтверждения благодати текущих властных установлений. А потому все, что с нами было в этом самом «вчера», но «сегодня» не вписывается в идеологию державной организации, рассматривается лишь как негативная альтернатива установленной властями прогрессивной линии развития.

В то же время официальный взгляд на историю страны был также всегда взглядом как бы из ее же прошлого. Так часто бывает именно в обществах с предначертанным будущим, в которых грядущее благо оттеняют недостатками уже пройденного¹, а настоящее есть не самоценный момент жизни, но лишь переходное состояние со всеми атрибутами временности.

В России настоящее, как правило, не имеет существенного значения. Так было от Петра I с его «здесь будет город заложен», так было при Ленине с его «мы пойдем другим путем», при Советах, когда нас пытались вести походным маршем «на пути к коммунизму». Так есть и в России нынешней, в которой элиты одержимы воссозданием великодержавного мифа, хотя на самом деле бывшая Великая Россия – не более чем фантом ущемленного национального самосознания и отражает лишь степень амбиций элит, но отнюдь не реальное процветание нации.

А потому, собственно говоря, жизнь большинства россиян обустроена была всегда и повсеместно как разбитый в спешке походный бивак.

Я думаю, что теперь нам нужен как никогда взгляд на свою историю, не искаженный аберрацией, возникающей при рассмотрении ее через «прошлое – будущее». Не только для того, чтобы получить адекватное изображение нашего прошлого, но и чтобы день сегодняшней приобрел наконец-то для России самоценность, как невозвратный момент жизни.

Еще одна из бед, мешающих адекватно оценить свое состояние и уже относящаяся к общему свойству народа – склонность искать источник своих проблем вовне. Мы утешаем себя

и оправдываем собственную неудачность, приписывая ее обычно проискам закордонных супостатов, и даже наши внутренние враги, несмотря на их очевидную доморощенность, представляются прихвостнями то злокозненных англичан, то мирового империализма – ЦРУ, США, Моссада и т. д. и т. п.

Однако ж при трезвом взгляде на нашу национальную биографию стоит все же признать нелицеприятный факт: самые страшные вредители своему Отечеству и есть мы сами. Достаточно вспомнить, что последствия опричнины Ивана Грозного и его походов по своему же царству сопоставимы с разорительным нашествием монголо-татар. А следствием сталинской коллективизации 30-х годов прошлого века стал людоедский голод в Поволжье, на Украине и всеобщая деградация продуктивности нашего сельского хозяйства.

Сказанное не есть заявка на новое изложение истории страны. Скорее это намерение перечесть ее заново, определить нашу национальную идентичность и ответить на вечные вопросы: кто мы, куда идем, и что с нами будет?

«Все познается в сравнении». Эта древняя мудрость – весьма продуктивная методология исследований. Мне представляется, что наиболее показательным и полезным было бы выбрать для сравнения нашего исторического опыта опыт США. Почему именно Соединенных Штатов, а не какой либо другой страны? Причин тому можно назвать много.

Если объяснять интерес к такому сравнительному анализу поверхностно, то, конечно же, можно отметить естественное стремление понять закономерности и особенности развития двух стран традиционно соперничающих за роль лидера мирового сообщества.

Однако все же куда более существенным является другой побудительный мотив. Он связан с тем, что Россия и США в нашем общественном сознании также традиционно представляются как страны антиподы. Но если оценивать отношение наших стран в контексте разворачивающейся конфликтности мировых цивилизаций, то мы – стратегические союзники, и относиться друг к другу как к врагу, было бы опасной ошибкой.

Ошибкой, которую, впрочем, мы делаем не без оснований. Мы действительно имеем системную несовместимость, и, входя в общий христианский мир, пока все же принадлежим к разным мирам в смысле своей системной общественно-политической организации. Однако насколько она непреодолима и может ли она быть преодолена в соответствии с интересами наших наций и благом для мирового сообщества?

Ответ на этот вопрос собственно является одним из ключевых для определения образа планетарного «завтра». Тем более что в написание своих сценариев глобального будущего уже включились такие мощные по своему потенциалу цивилизации как исламский мир и Китай, которые вступили в фазу активного подъема и для которых весь христианский мир, включая Запад и Россию, представляется культурно не совместимым.

Сотрудничество или конфронтация России и США во многом определяют, будет ли христианско-иудейская цивилизация консолидирована перед лицом разворачивающегося конфликта либо раскола. Еще более будет опасным, если США и Россия продолжат игры на противоречиях с третьими сторонами, вступая с ними в тактические союзы, для того чтобы создавать взаимные зоны нестабильных отношений.

В 30-е годы XX века, разыгрывание Сталиным карты союза с нацистами для того, чтобы ослабить влияние Западных демократий, стало одним из факторов, ускоривших сползание к мировой войне.

В период холодной войны США и СССР также активно вовлекали третьи стороны в глобальный конфликт. Именно на наших странах лежит ответственность за создание мощной инфраструктуры международного, и, прежде всего, исламского терроризма, который мы пытались использовать друг против друга.

В иных формах, но эти игры продолжают и сейчас. США пытается разыгрывать наши проблемы в отношениях с Украиной, Грузией и другими соседями, а Россия адекватно отвечает поддержкой антиамериканских настроений в Латинской Америке.

Особенно опасными для нас становятся подобные игры, когда предпринимаются попытки использовать противоречия с основными конкурирующими цивилизациями. Увы, в этом случае Россия оказывается в наиболее уязвимом положении. Мы не можем конкурировать с Западом, значительно уступая ему по военно-экономическому и технологическому потенциалу, но мы уступаем также и Китаю и Исламским странам, которые развиваются динамичней нас и более консолидированы по отношению к другим сторонам межцивилизационного конфликта.

А потому наши ресурсы становятся наиболее привлекательными для активных участников конфликта для получения решающего перевеса сил. Пожалуй, уже это одно могло быть оправдательным для замысла книги, но есть и другие причины, подтолкнувшие к этой работе.

В традиции русского национального самосознания придавать исторической судьбе нашего государства значение провиденциалистическое. Мы склонны считать себя народом особенным, стоящим на самых горних вершинах духовного развития и в этом смысле призванным дать миру образец какой-то иной, высокой жизни.

В основание своих претензий на Богоизбранность мы обычно кладем свою некую особенную нравственность, пронзительную философичность русской литературы и особую свою многострадальность.

Однако багровый отблеск нашей судьбы, обильной кровавыми переустройствами и пожарами безумных бунтов, мешает рассмотреть главное, что составляет истинный трагизм русской доли: мы – единственная великая нация, которая являет миру такую пропасть между своей культурно-исторической потенцией и убожеством реального мира национальной жизни, такое разительное несоответствие между претензиями на общечеловеческое мессианство и беспросветной не обустроенностью собственного бытия.

Мы – единственная великая нация с такой поражающей несопоставимостью духовных вершин и срединной народной жизни, с такой совестью души и уничижительной пренебрежительностью к человеческому достоинству.

И если уж говорить об особом предназначении нашей судьбы, то оно именно в том особом примере, который мы являем другим народам. Примере, подчеркивающим несостоятельность мессианского подхода к определению роли той или иной нации в контексте общечеловеческой культуры.

Чтобы разобраться во всем этом, стоит все же обратиться к истокам самой нашей нации, в том числе и ответить на вопрос, который может показаться на первый взгляд довольно странным: а, собственно говоря, кто мы такие – русские?

Кто мы, русские?

Вопрос о том, «откуда есть пошла Русская земля», заданный летописцем Нестором еще в XII веке, как ни странно, дожил до самых наших дней, хотя периодически его считают окончательно закрытым.

Тем не менее, до сих пор есть немало поводов, говоря словами Н. Карамзина, «любопытству историка: мы желаем знать какой народ, в особенности называясь русью, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя...»² Причем поводов порой даже неожиданного свойства. В свое время меня, как, наверное, и многих других пристально вглядывающихся в отечественную историю, немало озадачил подмеченный еще Ключевским факт: почему все другие нации – англичанин, грек, финн – обозначаются именем существительным, а русский – прилагательным? И если сам механизм возникновения такого этнонимического феномена вполне понятен, то все же остается до сих пор открытым вопрос: а что же это был за такой этнос «русь», который, несмотря на неясность своего происхождения, наделил своим именем целый народ, да еще и на такой «прилагательный» манер?

В предлагаемых нам до сих пор ответах остается много неясного и, как мы уже отметили, несмотря на периодические категорические утверждения различных исторических школ, вопрос этот «благополучно» не разрешен до сегодняшних дней. В том числе и даже в школьных учебниках.

Отчего же столь живучей оказалась эта проблема? Здесь сыграли роль, по крайней мере, два существенных обстоятельства:

1. Обе противоположные концепции этнической принадлежности руси имеют существенные и неразрешимые в рамках традиционных подходов противоречия (это подтверждается солидным «стажем» вопроса).

2. Эта проблема до сих пор почти всегда была скорее политической и идеологической, чем, собственно, научно-исторической проблемой.

К истории вопроса

Для летописца Нестора, который собственно и стал родоначальником нормандской теории, русь – несомненно, варяжское племя. Впрочем, забегаая вперед, стоит сказать, что Нестор дал также повод для того, чтобы сослаться на него и сторонникам славянской версии. Во всяком случае, в «Повести временных лет» говорится о тождестве русского языка со славянским. О другом поводе превратить летописца в славяниста скажем чуть позже.

Не сомневался в нормандском происхождении руси и Н.Карамзин: «по крайней мере, знаем, что какой-то народ шведский в 839 году, следственно, еще до пришествия князей варяжских в землю новгородскую и чудскую, именовался в Константинополе и в Германии россами»³. Однако эта точка зрения, хотя и являлась господствующей с несторовских времен, тем не менее, уже в XVIII веке, стала обнаруживать свое явное противоречие с утверждающимися в нашем общественном сознании началами имперской идеологии и мнением об особенностях русского исторического пути. Этому способствовала и противоречивость древних исторических источников.

Апофеоз антинорманизма был достигнут в советское время и в стремлении дистанцироваться от «тлетворного запада» советская историческая наука дошла до очевидных нелепостей. Говоря языком той эпохи, стали привлекать даже «норманиста» Нестора к даче свидетельских показаний в пользу славянской версии и буквально за уши притянули к этой концепции сказанное летописцем относительно полян: «Яже ныне зовомая русь». Хотя вполне очевидно, что Нестор всего лишь зафиксировал перенос на полян этнического названия русов, отнюдь не считая последних тождественными по происхождению славянам.

Тогда же стало расхожим утверждение, что князья с явно нормандскими именами Аскольд и Дир – славянские князья, причем в понятие «славянские князья» вкладывался именно этнический, а не политический смысл. При этом сослались на арабского автора X века Масуди, который писал: «Первый из славянских царей есть царь Дира»⁴.

С таким же успехом немку Екатерину II можно было бы считать русской по национальности, сославшись на то, что она была русской императрицей.

Увы, и сегодня спор между славянской и нормандской теориями происхождения руси не освободился от идеологической подоплеки. И он не только не затихает, но и приобретает все более четко выраженную бескомпромиссность. При этом наметился явственный возврат к норманизму.

К противоречиям нормандской версии

Одним из самых серьезных возражений, против нормандской теории можно назвать то обстоятельство, что этнос русь был известен на Днепре и в других южных славянских землях задолго до VIII века, т. е. еще до начала великого исхода викингов из Скандинавии.

Об этом мы находим и у С.Соловьева: «... название „русь“ было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины 9 века, прежде прибытия Рюрика с братьями»⁵. Конечно, ряд современных историков на первый взгляд имеют прямо противоположную точку зрения на исходную локализацию руси. Причем эта точка зрения становится как бы производной от концептуальной позиции, которая формулируется достаточно безапелляционно: «Итак, можно исходить из того, что первоначальные русы (VII–IX в.в.) были скандинавы, пришедшие в страны Восточной Европы с севера, из областей, населенных финнами. Уже в конце VIII в. они основали свои северные фактории, из которых наиболее известна Ладога (Старая). Затем эти проторусы, как их правильнее именовать, установили связи со славянскими землями»⁶.

Несмотря на безапелляционность утверждения, что термин русь «пришел с севера», эти же историки не могут оспорить того обстоятельства, что на севере, в Скандинавии следов руси мы практически не находим. Зато на юге, вплоть до Крыма мы сталкиваемся с ними довольно часто, причем именно задолго до VIII–IX веков. Так у Л.Гумилева мы находим: «Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или росс, этнос отнюдь не славянский, „еще в X веке Лиутпранд Кремонский, писал „Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos – по месту жительства“ – и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси»⁷. Конечно, Гумилеву тоже свойственна не всегда оправданная категоричность, однако цитируемые им свидетельства вряд ли могут быть оспорены именно в той части, о которой мы говорили: следы руси в изобилии находятся, прежде всего, в поднепровье и вообще юге, а не на севере среди собственно скандинавов.

Есть и еще несколько обстоятельств, отмеченных многими историками и которые с историко-этнографической точки зрения можно даже считать решающими: облик русов находится в вопиющем противоречии со скандинавскими обычаями. Если у русов обритые голова и подбородок были признаком знатности рода, то у скандинавов – клеймом позора и предельного унижения.

Соответственно «бабские» длинные космы и косы варягов были предметом насмешек со стороны русов и славян.

Не менее существенным представляется различие у скандинавов «образца» пассионарного толчка VII–VIII веков и русов в религиозных представлениях. Собственно русы IX–X вв. поклонялись не Седобородому Одину или Рыжебородому Тору, как скандинавы, а Перуну, который занимает особое положение в пантеоне именно славянских богов.

Стоит подчеркнуть, что эти обстоятельства просто не могут быть проигнорированы и недвусмысленно свидетельствуют о не тождественности варягов и русов.

Противоречия славянской версии

Не меньше противоречий мы находим в версии славянского происхождения руси. Древние летописи, в том числе «ПВЛ» последовательно разделяют русь и русских славян. Причем это подчеркивается в весьма характерных деталях. Не будем перечислять все случаи, но вспомним хотя бы хрестоматийное. «И сказал Олег: „Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные“, и было так».

Любопытно, но по С.Соловьеву разделение руси и русских прослеживается в древних наших источниках вплоть до 13 века. Так говоря о борьбе князя владимирского с мордовским князем Пургасом в 1229 году, Соловьев отмечает: «в том же году сын русского присяжника Пуреша напал с половцами на Пургаса, избил всю его мордву и русь...»⁸.

Весьма серьезным для этнического разделения, безусловно, является и четко фиксируемое различие характерных бытовых навыков и социальных функций у славян и русов. Русы умывались пред обедом в общем тазу, а славяне – под струей. Русы брили голову, оставляя клок волос на темени, славяне стригли волосы «в кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей, часть которой продавали хазарским иудеям, а славяне занимались земледелием и скотоводством⁹. Известно также, что славяне вышли к среднему Днепру в 5 веке¹⁰. Собственно поляне же поселились там в восьмом веке. Однако народ русь, который славянисты выводят из полян, известен в этих местах до прихода последних.

Промежуточные выводы

Таким образом, мы видим, что ни норманнская, ни славянская теории происхождения руси далеко не безупречны и не могут достаточно убедительно противостоять взаимной критике. Однако эта затянувшаяся дуэль с каждым разом дает все больше оснований вернуться к иной логике интерпретации известных фактов. И к этому нас подталкивают два несомненных вывода из этого спора, которые вполне очевидны для непредвзятого взгляда:

1. Русы это не славяне и, собственно, не скандинавы, тем более не скандинавы образца пассионарного толчка VIII века. В связи с этим стоит напомнить, что и С.М.Соловьев приводит мнение арабских авторов о не тождестве руси, варягов и славян¹¹.

2. Скучные остатки языка русов (россов) – имена и топонимы – указывают на их германоязычие. Названия днепровских порогов у Константина Багрянородного приведены по-русски: Ессыпы, Ульворен, Геландра, Ейфар, Варуфорос, Леанты, Струвун – и по славянски Островунипрах, Неясить, Вулнипрах, Веруци, Напрези¹².

Так кто же они такие, русы?

На мой взгляд, эта проблема вполне может быть непротиворечиво разрешена на основании даже широко известного материала. Однако прежде чем мы позволим себе сделать окончательный вывод, напомним все отмеченные, например, Л.Гумилевым и не оспариваемые исторической наукой факты, которые помогут нам разобраться в проблеме.

– Этноним «рос» зафиксирован еще в 4 веке Иорданом, осуждавшим «вероломный народ россомонов» за то, что те помогали гуннам победить готов.

– Немецким хронистам русы (россы) известны также как руги. На тождество этнонимов руги и русы, кроме Л.Гумилева, указывает также историк А.Г.Кузьмин. По Кузьмину руги упоминаются уже в 307 году, как федераты Римской империи.

– Родина рогов – южная Прибалтика, откуда они были вытеснены готами.

– Их причисляют к германской группе, правда по А.Кузьмину руги (руссы) не германцы, а иллирийцы.

– Ареал их блуждания (именно блуждания, а не расселения) в момент фиксации историческими источниками (VI–VIII века) среднее поднепровье – Дон – Крым.

– Широкое рассеяние этого этноса привело к неустойчивости этнонима: руги, рози, русы, рутены.

– Их основное занятие – военные походы.

Исходя из этих, а также иных, накопленных нашей исторической наукой материалов, можно провести логическую реконструкцию, которая позволит получить непротиворечивую картину того, как появились на нашей исторической сцене русы, а, значит, и установить их этническую принадлежность.

Естественно при этом стоит сделать существенную оговорку, что логическая реконструкция еще не есть завершенное историческое исследование. Однако она позволяет получить обоснованную рабочую гипотезу, которая может быть подтверждена либо опровергнута в ходе конкретных исследований.

В то же время, следует подчеркнуть, что подобного рода реконструкции позволяют вести исследования более целенаправленно, а в условиях недостаточности исторического материала логика порой остается единственным реальным способом отразить истину.

Итак, мы знаем, что примерно в IV тысячелетии до нашей эры начался распад индоевропейской языковой группы. До второго тысячелетия до н. э. из нее выделились индоиранцы, до середины I тыс. до н. э. балтославяне, примерно в это же время выделились и протогерманские племена.

Примерно в IV–VI в.в. до н. э. последние разделились на западные, восточные и северные германские племена. Можно предположить, что именно в это время в Скандинавию пришло и племя, которое в последствии будет зафиксировано под именем русов, рогов, россомонов и т. д. Однако в отличие от свенов, данов и нориков, руги-руссы не задержались здесь надолго.

Скорее всего, это произошло потому, что они пришли туда позже других германских племен и поэтому не смогли удержаться, отторгнутые старопришлыми, которые и так были ограничены в благоприятных для жизни территориях.

Из Скандинавии руги-руссы пришли на южные берега Прибалтики. Когда это могло произойти? Зафиксировано, что во втором – начале 3 века из южной Прибалтики ушли другие германские более многочисленные племена – готы. В самой Прибалтике они по преданиям появились, придя из Скандинавии. Ушли же оттуда они в степные пространства современной Украины. Исходя из этого можно предположить, что руги-руссы скорее всего пришли в Прибалтику ранее готов, которые и вытеснили их оттуда. Однако и готы вслед за русами ушли на юг, где их четко фиксируют уже в начале 4 века.

Отсюда можно сделать вывод, что русы – это, скорее всего племя, вышедшее из протогерманского этноса. Однако в силу того, что перемещение русов началось из-за каких-то не известных нам причин позже остальных протогерманских племен, они вынуждены были вести скитальческий образ жизни, практически нигде не задерживаясь настолько, чтобы оставить после себя заметный след. Они шли вслед за теми, кто начал перемещение раньше и потому всегда опаздывали к местам возможной оседлости.

Однако по не злой иронии судьбы вечность своему имени они все же обрели именно там, где им предстояло раствориться и сойти с исторической сцены окончательно – среди восточных славян.

Общими с варягами рюриковского периода у них было только этнические корни – протогерманское происхождение. Славяне естественно видели это родство варягов и руси, однако с последними у них были более длительные связи, и потому сожителство на одной территории с русами стало ко времени прихода варягов обыденным и привычным. Да и русы относились к славянам уже как к своим естественным союзникам. Варяги для них были хотя и этнически родственными, но вели себя по отношению к русам так же, как и к славянам – с высокомерием и наглостью новопришлых пассионариев.

Таким образом, в формировании русской народности и государственности принимали участие не славяне и варяги, а славяне, русь и варяги.

При этом каждый из них выполнил свою функцию в становлении Руси как государства и русских как народности. Первые были собственно народом, творившим культуру и саму жизнь будущей нации. Вторые составляли профессиональный военный элемент образованного социума, не оставивший будущей нации почти ничего, кроме названия и полностью растворившийся в славянском мире. Однако они заложили основу протогосударственных институтов Руси.

И, наконец, варяжские князья и их дружины, игравшие роль, говоря современным нам языком, нового политического менеджмента. И князь Владимир изгонял именно варяжские дружины, а не русь, которая к времени его правления уже практически ассимилировалась со славянами. Чему в немалой степени наверняка способствовала и активизация вмешательства в славянские дела новопришлых.

Русь дала нам только имя, варяги же, несомненно, в значительной степени ускорили становление нашей государственности.

Заключительные замечания

Такое объяснение происхождения руси фактически исходит из тех же фактов, которые используются сторонниками норманнской и славянских теорий. Однако, в отличие от них, эта версия достаточно непротиворечива, чтобы быть принятой не только как чисто логическая, но и историческая.

Исходя из этой версии, можно найти также вполне непротиворечивые объяснения целому ряду фактов в нашей древности, которые до сих пор вызывают спорные суждения. Возьмите, например, историю Аскольда и Дира. В различных исторических работах они предстают перед нами то дружинниками Рюрика, то славянскими (по происхождению!) князьями. При этом можно столкнуться с любопытным обстоятельством: князья с безусловно неславянскими именами в то же время имеющие весьма сомнительное отношение к Рюрику, как бы зависят в историческом пространстве: откуда они «свалились» в Киев, понять сложно. Сложно, если не предположить очевидное: Аскольд и Дир именно этническая русь которые княжили в Киеве, так же, как и многие другие русы могли княжить у разных племенных объединений славян. И появились их предки и они сами в славянских землях задолго до собственно варягов.

Становится более понятным и почему мы русские, а не русы. Применительно к славянам, которые составили ядро нашего этноса, русы были их военные и политические вожди и поэтому не удивительно, что в глазах соседей славянские племена под водительством русов называли русскими, в отличие от остальных славян.

Не противоречит эта версия и преданию о призвании варягов. Русы положили начало традиции призвания славянами на княжение инородцев и сделали его обыденным, а потому найм Рюриковичей был скорее всего первым документально зафиксированным фактом.

Здесь стоит обратить внимание на достаточно существенное для понимания нашей дальнейшей истории обстоятельство. Политические элиты на Руси были изначально инородными в буквальном смысле этого слова. Это были не выдвинувшиеся из племенной массы вожди и племенные дружинники, а, как правило, чуждый, навязавший себя элемент. Отсюда братство воинов и земледельцев, которое составляет основу устойчивости ранних политических образований, было не кровным, родовым братством, а «сводным» по принуждению.

Однако ж есть и еще одно любопытное обстоятельство, позволяющее по-новому взглянуть не только на нашу, собственно русскую историю, но и на историю наших соседей. А все же, неужели бесследно исчезла русь и мы никогда не найдем иные ее следы, кроме имени нашего? Осмелюсь предположить, что на самом деле прямых потомков русов мы хорошо знаем и можем четко выделять их из других этносов вплоть до XVIII века.

Исторические источники дают скудное описание русов, и все же мы можем выявить наиболее существенные черты их как поведения, так и облика, позволяющие провести четкую идентификацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.